

ЛНХО

МЕДЬ И МЁД

ДВЕНАДЦАТЬ ЖЕЛЕЗНЫХ
ЦЕПЕЙ

ИГЛА ИЗ СЕРЕБРА

Яна Лехчина

ЛИХО

ИГЛА

ИЗ СЕРЕБРА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л53

Иллюстрация на переплёте *Тани Дюрер*

Дизайн переплёта *Татьяны Евтихевич*

Карты *Анастасии Андриановой*

Лехчина, Яна.

Л53 Лихо. Игла из серебра / Яна Лехчина. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-215729-5

Чародей, чья смерть заключена в серебряную иглу, обучает колдовству молодую ведьму. Он знает: когда его разоблачат, он лишится и любви, и головы. А пока это не произошло, продолжает плести паутину мести, чтобы уничтожить давнего врага, хотя понимает, что зашёл слишком далеко.

Ведьма спасается от чудовища и боится, что не выдержит, если его создателем окажется близкий ей человек. Но иногда девы оказываются смелее, чем думают. И порой они побеждают чернокнижников не жестокостью или силой, а лишь вовремя задав вопрос: «Где ты прятешь свою смерть?»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215729-5

© Лехчина Я., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Злорадствовать я буду лишь в тот самый миг, когда
собственной рукою иглу, на конце которой смерть твоя,
в сердце твоё воткну.*

«Кашей Бессмертный», фильм, 1944

1

Наставник

В его жизни было много людей, которых он мог бы назвать своими учителями. Бесшабашные сверстники и могущественные колдуны. Случайные спутники в путешествиях и башильеры, с которыми он жил бок о бок. Лекарши и воины, дознаватели и еретики — каждый, желая того или нет, обучил его чему-то. Не все из этих уроков были приятными или простыми, но что Лазар точно умел, так это учиться. Однако хотел ли он когда-нибудь стать чьим-то наставником? Ему случалось растолковывать младшим послушникам священные тексты, а что о колдовстве... В этом смысле Ольжана оказалась первой.

Они сидели в его комнате, снятой на очередном постоялом дворе. Снаружи — промозглый летний вечер, морось и слякоть. В такую погоду у Ольжаны ещё хуже обычного получалось заклинать солнечный свет, так что Лазар настоял на привычных упражнениях больше от упрямства, чем от надежды: для колдунов было важно то, что иофатцы называли дисциплиной. Однако сейчас Лазар смотрел, как вокруг Ольжаны, расположившейся прямо на дощатом полу, крутился кот, сотканный из её чар.

— Видел?! — Ольжана задохнулась от восторга. — Длани!.. Разумеется, он видел.

Кот был кривоват, лохмат и больше напоминал причудливую помесь с неизвестным зверем, но до этого у Оль-

жаны не получалось создать ничего подобного. Ольжана поймала его и усадила себе на колени, погладила по спинке. Отдельных шерстинок у кота не было, только смазанно-жёлтые очертания шкуры, мерцающие, как открытое пламя. Рот получился слишком широким, отчего напоминал обычный человеческий, а не кошачий, но глаза удались на славу — они искрились, словно два солнечных блика, застывших в кусочках янтаря.

— Замечательно, — сказал Лазар. — Вы большая умница.

Ольжана облегчённо засмеялась, и в груди Лазара ёкнуло. То ли от радости, то ли от досады — не разобрать; захотелось вцепиться себе в горло или облиться ледяной водой. Надо же... Он ведь надеялся, что расчётливее и умнее, и над ним не имеет власти то, что будоражило обычных людей.

Лазар поскрёб щетину. Ну а чего он хотел? С чего он решил, что окажется сильнее человеческих слабостей? Смерть и любовь с начала времён ходили под руку, и чем ближе смерть, тем сильнее потребность в любви. Лазар признавал: то, до чего дошли их с Ольжаной отношения, — его вина. Убийства — вынужденная мера, но Ольжана?.. Это итог его, Лазара, потакания себе.

Мог бы предугадать, что в один момент не выдержит и лопнет, как вечно натянутая струна. Длани, думал он, зачем вообще решил звать её в Хал-Азар, прекрасно понимая, что Хал-Азара в их жизнях не будет? (И тут же взвилась дерзкая мысль: а если?.. Даже висельник грезит, что верёвка вот-вот порвётся.) Тогда Лазар надеялся, что Ольжана либо откажется и он выдохнет, свободный от любых чаяний, — либо она согласится, ведомая такой тоской, что не страшны ни чужие предрассудки, ни его ложь.

— Всё в порядке? — Ольжана по-прежнему возилась с котом. На Лазара глянула мельком, удивлённо приподняла брови.

Он улыбнулся ей и ответил: да, разумеется.

Хватило бы ему сил отвратить её от себя сейчас и убедить, что она совершенно его не волнует? Может, и хватило

бы. Но вокруг Ольжаны тоже вилась смерть — и в отличие от Лазара, Ольжана не сеяла её сама, а значит, больше заслуживала любви. (Наверное, решил Лазар, это тоже слабость — прикрываться потребностями Ольжаны.)

— Понятно. — Ольжана пожала плечами. — Дорога сегодня была сложная, это правда. Устал?

Он ещё держался и говорил с ней на «вы», однако сама Ольжана то и дело сбивалась на «ты». Лазар подыграл: устал, но день того стоил. Вот чем закончился!.. Ольжана продолжила ворковать с чародейским созданием, хотя оно уже начало расслаиваться на солнечные лоскутья. Лазар отложил совершенно ненужную ему хал-азарскую книгу — (на самом деле, она даже была не про колдовство, так, для прикрытия: сделать вид, что читает), — и понял с пугающей ясностью: ещё немного, и он поверит, что действительно смог бы прожить счастливую жизнь. Совсем без мести. Даже насквозь больной, прошедший через плен и побег, войну и чуму, голод и ненависть, знающий, что ничего бы этого не случилось, если бы Йовар его не поломал.

А эта вера губительна.

— И кто такой хороший получился? — Ольжана внимательно осматривала своё творение. — Кто почти как настоящий? — Вскинула голову и попросила: — Подождите ещё немного, ладно? Я скоро закончу и оставляю вас отдыхать...

Лазар махнул рукой.

— Не торопитесь.

Там, где Ольжана легонько щипала кота, вылетал сноп жёлтых искр. Щёки её покраснелись, глаза задорно заблестели.

Лазар одёрнул себя: глупец! Если бы он не затеял свою месть, он был бы ей совсем не нужен. Ольжана влюблена в него только потому, что вынуждена спастись от его же чудовища, — ей страшно и одиноко, а Лазар единственный, кто находится рядом. Ольжана не самая способная колдунья, но девушка рассудительная — в спокойные времена ей бы и в голову не пришло связаться с бродячим калекой-башильером.

И от этого стало неожиданно обидно.

Ещё немного, и кот окончательно растворился в воздухе.

— Ну вот, — вздохнула Ольжана, поднимаясь. — Червь-то подольше прожил. Это потому, что кот крупнее? И умнее?

Да, но, чтобы показаться менее знающим, Лазар задумчиво протянул:

— Наверное...

Ольжана села к нему на кровать.

Улыбнулась.

— Спасибо, что помогаешь. — Она положила ладони ему на виски и большими пальцами погладила переносицу. — У-у, не хмурьтесь, брат Лазар. Всё, теперь — отдыхать!..

Зря он погрузился в размышления при ней. Пока Ольжана легко его оправдывала, и ему даже не нужно было стараться. Но не станет же он искушать судьбу?

Она поцеловала его, и в голове Лазара снова заметались беспокойные непоследовательные мысли. Ольжана хотела тепла, и её расстраивало, если он вёл себя отстранённое, чем можно было бы ожидать по другим его словам или поступкам. Только Лазар и так слишком сильно её к себе привязал. А ей ведь потом строить свою жизнь дальше — выходить замуж, в конце концов, и Ольжана не так раскованна и свободна во взглядах, чтобы отнестись к их странным отношениям как к легкомысленному приключению. Сделать ей большее сейчас, чтобы было легче потом, — или наоборот?..

Что о нём самом? Настолько ли он себялюбив, чтобы воспользоваться её нежностью? И настолько ли чёрств, чтобы отказать себе в этой радости?

Да когда в последний раз женщина смотрела на него так участливо и *восхищённо*? Точно не после того, как его изуродовал Йовар.

— Что-то ты совсем раскис, — заметила Ольжана, опая горячим дыханием его ухо. — Всё, всё...

Вместо того, чтобы согласиться с ней и отправить её спать, Лазар обнимал её и рассеянно гладил по спине —

шершавая расшитая безрукавка, мягкая рубаша... Потом его рука взлетела выше, к Ольжаниной шее, и он погрузил пальцы в её остриженные волосы. Ольжана покрыла шрамы на его лице дорожкой коротких поцелуев. Тяжело дыша, Лазар заметил, что так она обдерёт все губы о его щетину, но Ольжана только посмеялась.

— Не самое страшное в жизни.

Он прижал её к себе крепче, уткнулся носом ей в шею. От Ольжаны пахло мылом и тёплой кожей — по-человечески простой и до болезненного приятный запах.

Лазар осторожно обхватил её предплечья и отодвинулся.

— Вы правда хорошо постарались сегодня, — сказал он хрипло. — Но сейчас вам нужно пойти отдыхать. — Качнул головой в сторону окна. — Дороги ещё сильнее размоет, придётся выехать рано...

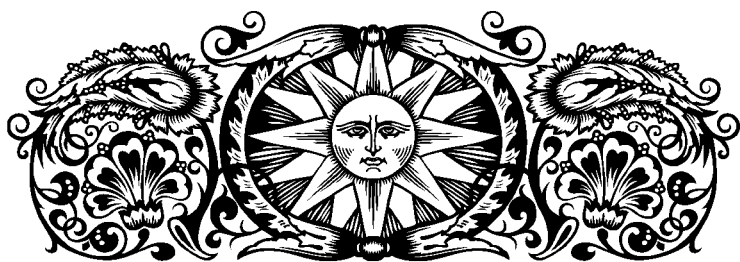
Ольжана понимающе кивнула.

— Конечно. — Она освободилась из его рук. — Доброй ночи.

И когда она ушла, Лазар отбросил книгу на стол и растянулся на кровати.

Нужно заканчивать с этими метаниями, сказал он себе строго. У него сейчас одна задача, и отвлекаться от неё не следует — даже если хочется.

Глава I По заслугам

Ратмила вышла из Тержвице с глазами на мокром месте, но Юрген ничего не спрашивал: не его дело, о чём она разговаривала с Йоваром.

— Вот и всё. — Ратмила улыбнулась им с Хранко. — Давайте прощаться.

Ну, попрощались. Юрген не обманывался: вышло скванно и нелепо. Ратмила уезжала, как уехала пятнадцать лет назад, а они оставались, но так и должно было быть. У них своя жизнь, а у Ратмилы — своя, и как только Йовара заковали в цепи, госпожа Кажимера решила, что большинству незачем оставаться на озере.

Ратмила словно бы хотела сказать что-то ещё, но перевела взгляд с Юргена на Хранко и смешалась. Да, подумал Юрген, лица у них последнее время были одно хуже другого. Хранко осунулся ещё сильнее, постоянно был задумчив и хмур, точно уже ощутил на себе тяжесть новых обязательств. Кажимера разрешила ему и другим воспитанникам Дикого двора выходить за пределы колокольни, но *настоятельно не советовала* покидать озеро, пока не поймали Сущность из Стоегоста. «Конечно, я ничего не могу тебе запретить, — сказала Кажимера Хранко, — раз ты теперь чародей Драга Ложи». Юргену не получалось отделаться от мысли, что она смотрела на Хранко как на ребёнка, который влез в одежду взрослого и пытался убе-

дить всех вокруг, что он тоже матёрый колдун. Любопытно, так ли она смотрела на юного Грацека много лет назад?..

— Что ж... — Ратмила сцепила пальцы. — До свидания, мальчики.

Хранко неуклюже её приобнял — за последние дни он словно бы стал длиннее, нескладнее и по-птичьему острее, как ворон, нахохлившийся на нашесте. Юрген сгрёб Ратмилу руками и услышал, как та пробормотала ему на ухо: «Странно... как странно».

Да. Всё было странно. Заявление Йовара. Скоропалительное разбирательство. Спешное посвящение Хранко в чародеи Драга Ложи, и... Юрген не хотел признавать, но его корбило и это: Йовар передал Дикий двор Хранко. Не ему.

Все знали, что Йовар относился к Юргену с особым теплом, однако выходило, что как преемник он оказался недостаточно хорош. Юрген ни с кем это не обсуждал — даже подумать стыдно, только... Может, порой он вёл себя не так рассудительно, как поступил бы Хранко, но Юрген хоть что-то *делал*, пока Хранко сидел подле Йовара, — конечно, гораздо легче судить со стороны, с высоты птичьей жёрдочки.

Он резко дёрнул плечом. *Довольно.*

Ратмила спустилась в лодку, где её дожидалась скучающая панна Ляйда, одетая по-дорожному, с собранным заплечным мешком. Это Ляйда привезла Ратмилу в Тержвице, и она же обещала вернуть её домой — Юрген утешался тем, что вместо неё Кажимера не отправила Уршулу. Хоть какая-то радость.

Юрген махнул на прощание. Лодка отплыла.

Хранко сел на ступени и рассеянно поболтал в воде кончиками пальцев.

— Что дальше?

Юрген приподнял брови.

— А я почём знаю? — Хмыкнул. — Ты ж у нас за главного. Вот и решай. — И сам поразился, как мерзко это прозвучало.

Хранко приподнял голову и заправил за ухо чёрную прядь.

Сощурился.

— Я про то, пойдёшь ли ты к Йовару. Я-то у него сегодня был. — Качнул головой в сторону домов неподалёку, где теперь обосновались чародеи Драга Ложи. — Или вернёмся... туда.

— А. — Чтобы скрыть неловкость, Юрген опустил глаза. — Да. Схожу к нему. Но ты меня не жди.

И не оборачиваясь, скользнул в соборную тьму.

Первые дни после того, как Йовара заковали, тот провёл в полудрёме. Хранко покопался в книгах, которые увёз с собой из Чернолесья, и наворожил для него помощников из тумана, лишайника и лунного света: это были небольшие создания, напоминавшие теремных шишимор. Йовар, конечно, обругал их, как оклемался, и ворчливо объяснил Хранко, что нужно в них исправить. Теперь в его распоряжении всегда были слуги, помогавшие по хозяйственным нуждам. Шишиморы приносили ему воду и пищу, помогали умываться и менять одежду, и Йовар хоть и бурчал, наверняка был ужасно благодарен Хранко за какую-никакую независимость. Йовар мог повелевать шишиморами голосом или крохотной искоркой чар, которая осталась ему доступна даже в железных цепях. (Это удивило Юргена, но Йовар огрызнулся: мол, развалюха Нимхе что-то и закованной наколдовать могла, чем он хуже?..) Сам Юрген наворожил вокруг Йовара плотную завесу, чтобы учитель не болтался в цепях на виду у любого, кто вздумает сунуться в собор, и сейчас остановился у этих полотен, свитых из ночной темени. Спросил, может ли зайти.

Йовар хрипло отозвался: да.

Он был подвешен за руки. Запястья и предплечья почти до локтя почернели, словно обуглились, и покрылись коркой отторгавшейся кожи. У ног сновали три носатые шишиморы — сморщенные и маленькие, в треть человеческого роста; Йовар велел им уйти, и они шмыгнули сквозь прорезь в завесе.

— А-а, — протянул Йовар. — Ты.

Он посмотрел на Юргена из-под тяжёлых век. Со дня, как его заковали, у Юргена с ним не вышло ни одного осмысленного разговора — Йовар или отбрёхивался, или засыпал. Может, так ему было легче выдерживать постоянную боль — замыкаться в себе, оставаясь наедине с чарами, которыми он больше не мог пользоваться в полную силу.

— Пришёл наконец-то. — Йовар усмехнулся в бороду. — Давно тебя не было...

— Я приходил к тебе вчера вечером.

Йовар приподнял голову.

— Да? — Удивился. — Может, может...

Он постарался повести плечами, и в ответ цепи жалобно лягнули. Йовар приподнял одну руку и с усилием, насколько мог, опустил вторую, протянул её к Юргену. Велел:

— Подойди.

Юрген подчинился, хотя и не знал, зачем. Он до сих пор смотрел на Йовара так, будто не верил, что это происходило наяву. Думал ли он когда-нибудь, что увидит его в таком плачевном состоянии? Борода всклокочена: шишиморы до неё не дотягивались, а ученикам Йовар не велел себя касаться. Тёмная рубаха на груди была в пятнах от пролитой воды и пищи. И как шишиморы не пытались навести вокруг чистоту, всё равно пахло затхлостью, словно в темнице.

Йовар коснулся виска Юргена кончиками пальцев. Бестолковый нежный жест, стоивший большого труда, — Юрген подумал, что его так расчувствовал приход Ратмилы.

— Хранко-то чаще у меня бывает, — заметил Йовар, убирая руку. — Спрашивает. Советуется. А ты...

— Ты сам меня выгоняешь, если я прихожу.

Йовар фыркнул.

— Ну а как ни придёшь, начинаешь отчитывать и выспрашивать, зачем, мол, да почему... — Он чуть согнул ноги и устало покачался в цепях. — За надом. Устроит такой ответ?